

— Ну что я говорил? Мой отец только с виду такой суровый. Как бы он ни ворчал на тебя, он всё равно не может тебя бросить.

Цинь Яолянь и Е Цзюньшу шли по улице. Яолянь находил недавнюю неловкость своего отца крайне забавной — разумеется, в лицо он смеяться не смел, боясь, что отец разозлится от смущения, и тогда трагедии не миновать уже самому сыну.

Е Цзюньшу невольно улыбнулся: — «Только с виду суровый»... Если учитель узнает, как ты его описываешь, он тебе этого не спустит.

Яолянь хихикнул: — Никто не скажет, никто не узнает. Только ты, я да небеса. Афу ни о чем не догадается! — Он по-дружески приобнял Цзычжоу за плечи. — Слушай, я вот что хотел сказать...

Е Цзюньшу с улыбкой слушал болтовню друга, но его взгляд то и дело блуждал по сторонам.

— ...Ты куда смотришь? — Яолянь распинался уже добрых десять минут, но получал лишь рассеянные ответы. Заметив, что Цзычжоу явно витает в облаках, он помахал пятерней перед его лицом.

Е Цзюньшу недоуменно посмотрел на него.

— Цзычжоу, что с тобой сегодня? Ты какой-то потерянный. Что-то случилось или нездоровится? — С этими словами Яолянь приложил ладонь ко лбу друга, потом к своему. — Жара нет.

Е Цзюньшу покачал головой: — Всё в порядке.

Яолянь подозрительно прищурился: — Не похоже это на «всё в порядке». Ну же, расскажи старшему брату, вдруг я смогу помочь?

— Правда, ничего особенного, — улыбнулся Е Цзюньшу.

«Не хочешь — не говори, я и сам догадаюсь», — подумал Яолянь. Его глаза хитро блеснули, и он заговорщицки прошептал: — Неужто на загляделся на какого-то гэра? Весна в сердце заиграла?

Е Цзюньшу аж поперхнулся — откуда только берутся такие нелепые предположения? Он с досадой оттолкнул лезущего к нему друга: — Много ты фантазируешь.

На лице Яоляня красовалось полное недоверие. Весь день ходить как в тумане — о чем еще думать, если не о любви? Он со знающим видом многозначительно подмигнул: — Понимаю, понимаю! В нашем возрасте кровь играет, это нормально, совершенно нормально! «Цзычжоу тоже дорос до мыслей о гэрах!» — патетично вздохнул Яолянь.

— Вовсе нет, — отрезал Цзычжоу, а затем язвительно парировал: — Лучше бы ты о себе подумал, шицун. Слышал я, шиму уже присматривает тебе суженого? Как назначите дату — не забудь сообщить младшему брату!

— Эй-эй! — Яолянь чуть не подпрыгнул на месте. — Я не собираюсь так рано становиться мужем! Аму вечно суетится, да разве я себе кого не найду!

Е Цзюньшу с напускной серьезностью продолжил:

— Шицюн, шиму прав. Ты уже не маленький, пора подумать о будущем. Семья и карьера — нельзя же в обоих делах остаться ни с чем.

Хотя в глазах Е Цзюньшу восемнадцатилетний парень был еще ребенком, в это время это был самый подходящий возраст для брака. Неудивительно, что шиму начал беспокоиться о женитьбе сына.

— Ну почему даже ты заладил то же самое?

Лицо Яоляня вытянулось, а затем он с трудом принял решение:

— Мне еще экзамены сдавать! Брак — дело такое, только отвлекает. Вот сдам на сюэцзя, тогда и поговорим!

Е Цзюньшу тихо рассмеялся. Неужели женитьба кажется ему настолько страшной, что он готов добровольно взяться за учебу, которую всегда недолюбливал? «Если бы это был я... кхм, пока не стоит об этом думать».

Яолянь внезапно снова пристально уставился на друга:

— Ты так и не сказал, что с тобой сегодня. Почти удалось перевести тему, но шицюн был начеку.

Е Цзюньшу пришлось ответить:

— Мне просто любопытно, почему сегодня в уезде так тихо.

Тихо? Яолянь огляделся — по нему, так всё как обычно. Однако он знал, что Цзычжоу не бросает слов на ветер. Немного подумав, он сложил фрагменты мозаики.

— Ты про ту банду мерзавцев? Я краем уха слышал, что они сегодня на рассвете умотали из города. Вроде бы даже «Старая черепаха» (судья) с ними поехал. Кто знает, какую пакость они затеяли. Лучше бы они убралась и никогда не возвращались — тогда наш уезд заживет спокойно!

При упоминании Минов лицо Яоляня исказилось от брезгливости. С тех пор как старый судья стал потакать злодеям, Яолянь за глаза называл его не иначе как «Старой черепахой».

Если бы не забитость и удаленность их уезда, до которого никому нет дела; если бы в их краях родился хоть один большой чиновник, способный донести правду до влиятельных лиц или самого императора — семья Мин не вела бы себя так нагло.

Яолянь ободряюще добавил: — Цзычжоу, весь наш уезд Фэнчэн уповаet на тебя! Обязательно получи высокий чин, стань великим человеком, прославься! Пусть все в Поднебесной знают: ты, Е Цзюньшу — родом из Фэнчэна!

Е Цзюньшу воодушевился и похлопал друга по плечу:

— Шицюн, у тебя тоже всё получится! Пиши книги на совесть, чтобы они остались в веках, и грядущие поколения знали: отшельник Е Лян был родом из уезда Фэнчэн!

Цинь Яолянь был до глубины души тронут тем, что Цзычжоу так в него верит. Он уже решительно кивнул и собрался было произнести торжественную клятву, как Е Цзюньшу добавил:

— А для начала постарайся сдать на сюэя, чтобы выкупить свои рукописи, которые конфисковал учитель.

Цинь Яолянь: «...» Ох, нет, сердце так болит при одном воспоминании о любимых детищах, с которыми его насильно разлучили!

Цзычжоу не стал задерживаться в городе. Сдав домашнее задание и разузнав нужные новости, он отправился обратно в деревню. В последнее время он уходил на рассвете и возвращался затемно, из-за чего почти не виделся с детьми. Это заставляло его чувствовать острую вину. «Скоро, совсем скоро... Как только это дело закончится...»

Е Цзюньшу быстро шагал по дороге. В его корзине лежало множество сладостей и закусок — он хотел побаловать младших по возвращении. Жаль только, что не удалось найти танхулу (фрукты в сахаре), которые так просили близнецы. С начала года торговцев с ними в уезде не было видно.

Он размышлял о всякой всячине, как вдруг услышал за спиной быстро приближающийся топот копыт. Взгляд Цзычжоу мгновенно похолодел. Неужели провал? Они не заглотели наживку? Он прикинул, стоит ли сойти с дороги, но раз всадники скачут в сторону деревни Е...

Е Цзюньшу прикинулся обычным прохожим и продолжил идти неспешным шагом. Вскоре показались всадники. Увидев впереди деревенского паренька, они замедлили ход и остановились рядом.

— Тпру!

Кони переступили копытами и замерли. Раздался бодрый голос:

— Малыш, мы хотим кое-что разузнать.

Незнакомый говор заставил Е Цзюньшу поднять глаза. Он встретился взглядом с молодым человеком с мужественным, загорелым лицом и открытой улыбкой, сверкающей белыми зубами. Мышцы Цзычжоу расслабились. Значит, просто спрашивают дорогу.

Он изобразил на лице легкую робость и улыбнулся:

— Спрашивайте.

Незнакомый здоровяк постарался выглядеть дружелюбно:

— Ты не бойся, паренек. Мы просто дорогу спросим, ничего тебе не сделаем.

Тут заговорил другой молодой человек:

— Хватит тебе, Ху-цзы. Чем больше ты несешь чепухи, тем больше пугаешь парня.

Е Цзюньшу скользнул взглядом в сторону. Говорившему было чуть за двадцать, он обладал красивыми чертами лица и плутовской улыбкой. Слегка наклонившись с седла, он спросил:

— Малыш, как нам проехать к Линьцзянскому тракту? Мы в ту сторону правим? — он указал плетью вперед по дороге.

Линьцзянский тракт? Е Цзюньшу внутренне напрягся.

Имеют ли эти люди, явно не из простых, отношение к Минам? Он лихорадочно соображал, как ответить. На злодеев они не похожи, но береженого бог бережет. К несчастью, дороги здесь были простыми: от этой развилки пути вели либо в Линьфэн, либо в Фэнчэн.

Цзычжоу побоялся, что намеренная ложь может навлечь беду.

Взвесив всё, он ответил честно:

— Эта дорога не ведет к Линьцзянскому тракту. Вы проехали мимо. Возвращайтесь назад до развилки, и там берите левее — это путь на уезд Линьфэн.

«Наверное, они просто проездом», — подумал он. Даже если они связаны с Минами... Е Цзюньшу прикинул время — успеют ли они?

Человек по имени Ху-цзы расхохотался:

— Ну я же говорил! Мы точно сбились с пути, а ты всё твердил, что дорога верная!

— Кхм!

Другой молодой человек, до этого хранивший молчание, кашлянул, прерывая Ху-цзы. Тот осекся, поняв, что едва не сболтнул лишнего, почесал затылок и замолчал.

Е Цзюньшу набрался храбрости и спросил:

— Вы едете на Линьцзянский тракт? Слышал я, там разбойники лютуют, совсем страх потеряли, столько душ загубили... — Он демонстративно вздрогнул и со страхом посмотрел на Ху-цзы.

Тот поспешил его успокоить: — Не бойся, паренек. Мы как раз прослышали, что там бандиты бесчинствуют да людей грабят, вот и решили разузнать обстановку. Не переживай, пока мы здесь, этим ворам недолго осталось резвиться. Верно, Третий молодой господин?

Ху-цзы обернулся к человеку, который стоял чуть поодаль и до этого момента казался почти незаметным. В пути они услышали эти слухи и решили сменить маршрут, чтобы проверить всё на месте. Если бандиты действительно терроризируют народ, вести об этом должны были дойти до властей, но в столице не было слышно ни звука — очевидно, кто-то прикрывал это безобразие. Раз уж они здесь, нужно было вмешаться. Нельзя позволять этой заразе и дальше мучить людей.

Е Цзюньшу невольно проследил за взглядом Ху-цзы и встретился с парой ясных, чистых глаз. Сердце его пропустило удар. Он и не заметил, что этот гэр, которого называли «Третьим молодым господином», наблюдал за ним. «Надеюсь, я не выдал себя?» — Цзычжоу тут же опустил голову, притворяясь смущенным.

Однако облик этого гэра запечатлелся в его памяти: нежная, белоснежная кожа, тонкие черты лица и алая родинка-циноварь между бровей. Под решительными «бровями-мечами» глаза казались бездонными колодцами, не выражающими эмоций. Одевание цвета молодого бамбука выглядело простым, но благородным; изысканные узоры облаков на подоле и манжетах говорили о том, что ткань стоит целое состояние.

А эта статья... Таковую ауру могли воспитать только в знатном доме. Е Цзюньшу посмотрел на свою одежду — выцветшую и ставшую тесноватой из-за того, что он быстро вытянулся за

последнее время. Внезапно он почувствовал себя неловко. Разница между облаком и грязью...

— Да.

Е Цзюньшу услышал краткий ответ и, сам не зная почему, нашел этот голос удивительно приятным. Он не удержался и снова поднял взгляд.

— Уважаемый господин, на Линьцзянском тракте старое бандитское логово. Не думаю, что с ними можно расправиться впятером так легко. Прошу вас, подумайте дважды.

Третий молодой господин слегка повернул голову:

— Ты грамоте обучен?

Е Цзюньшу неожиданно для себя почувствовал, как щеки обдает жаром. Он сложил руки в приветствии:

— Недостойный ученик, читал книги несколько лет.

— То-то я смотрю, говоришь складно, — усмехнулся Ху-цзы. Цзычжоу поджал губы, чувствуя неловкость.

В глазах Третьего молодого господина промелькнула тень улыбки:

— Спасибо за заботу, паренек. У меня свои планы, я не стану лезть в пекло без нужды.

Затем он бросил спутникам: — Едем. — С этими словами он слегка сжал бока коня и первым развернулся.

Остальные тоже развернули лошадей.

— Лови!

В сторону Е Цзюньшу что-то полетело, и он машинально поймал предмет.

— Это тебе награда! Если будет суждено, еще увидимся, малый! — донесся издали зычный голос Ху-цзы.

Е Цзюньшу провожал их взглядом, пока всадники не скрылись за поворотом дороги. На душе было странное, необъяснимое чувство. Он впервые в жизни встретил настолько особенного гэра.

«Может, всё дело в том, что я впервые вижу гэра из благородной семьи?» — подумал он. Несмотря на явную знатность, тот не выказал ни капли пренебрежения. Даже на него, простого деревенского парня, незнакомец смотрел спокойно и миролюбиво...

Цзычжоу привык считать, что все сильные мира сего отвратительны — взять ту же семью Мин, которая взирает на простых людей свысока, как на муравьев. Появление этих всадников немного смягчило его неприязнь к золотой молодежи. Оказывается, и среди них есть достойные люди, нельзя стричь всех под одну гребенку.

«Тому гэру на вид лет семнадцать-восемнадцать, он наверняка уже помолвлен... Интересно, кому же так посчастливилось заполучить в суженые столь чистого сердцем человека?»

Зачем этот «Третий молодой господин» приехал в такую глухомань? Зачем ему на Линьцзянский тракт? Не знаком ли он с Минами?..

Сердце Е Цзюньшу кольнула тревога: он боялся и того, что невинные люди окажутся втянуты в кровавую распря, и того, что его собственный замысел может сорваться... Но дело сделано, и лишние думы теперь бесполезны. Оставалось лишь надеяться, что эти люди не успеют вовремя...

Он опустил взгляд. «Наградой» оказался расшитый кошелек? Внутри что-то весомо тянуло руку.

Е Цзюньшу открыл его, и несколько крупных серебряных слитков ярко заблестели на солнце. Лицо юноши тут же озарилось широкой улыбкой.

Боги! Если за простой совет, как пройти, дают такое щедрое вознаграждение, он совсем не прочь встретить еще парочку таких господ!

<http://bllate.org/book/15226/1366765>